

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Н. Ю. Данилова

ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ XIX ВЕКА В СПОРАХ О РУССКОЙ КЛАССИКЕ

Статьи и заметки русских писателей и критиков, посвященные Золотому веку русской литературы, отражают различные точки зрения участников таких литературно-критических дискуссий XIX в., как спор о литературном языке, вопрос о самобытности или подражательности русской литературы, полемика западников и славянофилов о значении творчества Н. В. Гоголя и писателей «натуральной школы», спор защитников «чистого искусства», представителей теории утилитаризма и почвенников, столкновение мнений критиков-народников и русских религиозных мыслителей. Высказываемые авторами различные и часто полярные оценки творчества А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого были связаны с размышлениями о значении русской истории, об актуальных общественно-политических вопросах, о будущих судьбах России и русского народа. Однако в качестве основных предметов литературной полемики XIX в. отчетливо выделяются вопрос о «народности» литературы и вопрос о «пользе» художественной словесности.

Литературный спор «карамзинистов» и «шишковистов» начала XIX в. был связан с проблемами стиля, поэтического языка. В работах А. С. Шишкова высказывается требование отказаться от заимствований из французского языка и обогащать литературную речь словами из «словенского» (церковно-славянского) языка, следуя за М. В. Ломоносовым — «великим Стихотворцем», в поэзии которого поборник чистоты русского языка отмечает «сладкогласие», искусное смешение «высокого словенского слога» с «просторечивым российским», благодаря которому «высокопарность одного» «приятно обнималась с простотою другого»¹.

---

¹ *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. — См. в наст. антологии. С. 48.

В противоположность этому Н. М. Карамзин и его последователи «безобразят язык свой» введением в него иностранных, главным образом французских, слов. Эти языковые заимствования Шишков называет «заразой», «порчей», приводящей к обеднению русского языка.

В позиции Шишкова уже для критиков XIX в. были очевидны натяжки и даже заблуждения: церковно-славянский язык он считал тождественным русскому языку, преувеличивал вредное воздействие французской «заразы» на русскую литературную речь. Однако он справедливо отмечал односторонний характер «диалога» культур начала XIX в., когда подлинный межкультурный обмен отсутствовал. По мнению Шишкова, увлечение «чужими» языком и культурой ведет к существенным утратам. Так, дети русских дворян, которые воспитываются гувернерами-французами, «говорят языком их свободнее, чем своим», и «нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий»². Отказ от своего языка, по мнению Шишкова, ведет к утрате русского «образа мыслей», русского взгляда на мир. Кроме того, языковые заимствования, как и усвоение европейских обычаев и бытовых привычек, представлялось Шишкову угрозой исчезновения любви к отечеству³. Таким образом, рассуждения Шишкова в полемике о стиле нельзя свести только к филологической проблематике. В его высказываниях очевидна попытка глубокого осмысления роли литературного языка в культуре, его воздействия на общественные нравы и образ мыслей.

Н. М. Карамзин, предпринявший попытку обработки русского литературного языка и использовавший для этого французские слова и словообразовательные модели, в своих высказываниях о литературе демонстрирует близость позиции своих европейских учителей. В статье «Что нужно автору?» очевидно влияние на Карамзина мыслителей французского Просвещения, в частности Ж.-Ж. Руссо, которого вдохновляла мысль о всеобщем благе и справедливости. Карамзин пишет, что автору прежде всего нужно иметь «доброе, нежное сердце», которое должно «обливаться кровью» при чтении «истории несчастий рода человеческого». «Страсть к добру», «никакими сферами не ограниченное желание всеобщего блага»⁴ — вот необходимые качества настоящего

² Там же. — См. в наст. антологии. С. 46.

³ Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству // Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству / Сост., коммент., послесловие В. В. Семенцова, предисл. А. Ю. Минакова / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011. С. 34.

⁴ Карамзин Н. М. Что нужно автору? — См. в наст. антологии. С. 42.

литератора. Это восходящее к Руссо мнение Карамзина оказало существенное влияние на позднейшие представления русских критиков и писателей о том, в чем состоит общественная роль литературы. Во второй половине XIX в. эта в самом общем виде сформулированная Карамзиным задача литературы конкретизируется в работах позднего В. Г. Белинского и революционных демократов Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева как необходимость призыва к общественным изменениям и установлению социальной справедливости, а в публицистике Достоевского — как стремление к «мировой гармонии» «по Христову Евангельскому закону»⁵.

Карамзин, вопреки интерпретации его деятельности Шишковым, не только привнес в русскую литературную речь новые, заимствованные элементы, но и писал о необходимости «трудиться над обработыванием собственного языка», а не пользоваться французским⁶, о причинах гордиться своим отечеством, к которым он относил прежде всего героические страницы русской истории. В 1797 г. Карамзин отмечал, что и русская литература обладает сокровищами, возникшими в ней независимо от инокультурных влияний. Одно из таких сокровищ — «Слово о полку Игореве», которое отличают «энергический слог», «возвышенно-героические чувства», «волнующие картины ужасов, почерпнутые из природы»⁷. После реформ Петра I русская литература превратилась в «отзвук и отражение чужеземных поэзии и словесности», и «храм вкуса» и «святилище искусства» «редко открываются перед нашими авторами»⁸. Таким образом, опасность подражательности в литературе была очевидна и для Карамзина — влиятельнейшего писателя начала XIX в., положившего начало созданию нового литературного языка, который вобрал в себя иноязычные элементы и сделался затем стилистической основой русской классики.

Следующим поколениям писателей и критиков пришлось много размышлять над тем, не привнес ли Карамзин не только в литературную речь, но и в осмысление русской истории того «иноземного» «образа мыслей», который «свое», самобытное, непохожее

⁵ Достоевский Ф. М. Пушкин. — См. в наст. антологии. С. 765.

⁶ Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости // Н. М. Карамзин. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 286.

⁷ Карамзин Н. М. Несколько слов о русской литературе. — См. в наст. антологии. С. 43.

⁸ Там же. С. 44.

на европейское искажает и даже превращает в «чужое». О пагубном для истории русской литературы «обмане», совершенном автором «Истории Государства Российского», писал, в частности, в 1860-е гг. А. А. Григорьев. По его мнению, «История» Карамзина не только «испортила» «Бориса Годунова»⁹, критик считал исторический труд Карамзина главным источником всех ошибок в понимании и представлении народности¹⁰ в русской литературе, поскольку Карамзин взглянул на русскую историю под европейским углом зрения, в результате чего в русском обществе возникло ложное представление о тех формах «доблести, величия, чести», которые якобы были свойственны культуре Древней Руси. Это самообольщение, согласно концепции Григорьева, было рассеяно П. Я. Чаадаевым, показавшим, что в нашей истории нет никаких идей добра, правды, чести и нравственности. Впоследствии, как считал Григорьев, появились попытки опровергнуть Чаадаева и поправить Карамзина — в изображении русской народности Н. В. Кукольником, Н. А. Полевым и М. Н. Загоскиным, которое, однако, было реализовано ими в «фальшивых формах», поскольку в качестве единственной положительной стороны русского народного характера в произведениях этих писателей было представлено смирение — «в смысле простой бараньей покорности всякому существующему факту»¹¹. В качестве реакции на эти «фальшивые формы» возникло западничество, которое ошибочно приняло их за выражение народного самосознания, что привело западников к отрицанию значения народности. С другой стороны, эти «фальшивые формы» породили представление о том, что возможно лишь комическое, отрицательное изображение русского народного быта и всего, что связано с народной культурой. Как реакция на ложное изображение народности возникла, по мнению Григорьева, вся обличительная литература 1850–1860-х гг. Таким образом, отдаление русской литературы от подлинной народности все более усугублялось, причиной же развития этого отдаления были исторические сочинения «первого европейца между русскими»¹² — Н. М. Карамзина.

Размышления Григорьева о закономерностях литературного процесса в России исторически связаны с высказываниями литераторов первой половины XIX в., для которых вопрос о подража-

⁹ Григорьев А. А. Народность и литература // Григорьев А. А. Апология почвенничества. М., 2008. С. 472.

¹⁰ Там же. С. 465–466.

¹¹ Там же. С. 496.

¹² Там же. С. 466.

тельности / самобытности русской литературы был одним из наиболее проблемных. Одна из первых попыток рассмотрения истории русской словесности с точки зрения стремления к национальной самобытности принадлежит А. А. Бестужеву. В обзоре 1822 г. «Взгляд на старую и новую словесность в России» он прослеживает трагическую историю развития русской словесности — историю борьбы за выживание. Согласно его концепции, первый удар по самобытной русской словесности нанесло принятие христианства и уничтожение остатков язычества. Впоследствии развитие литературы замедлялось из-за бесконечных войн и внутригосударственных конфликтов. В XVI–XVII вв. духовные писатели «исказили русское слово испорченными славено-польскими выражениями», эпоха Петра I принесла «страсть к германизму и латинизму», а царствование Елизаветы было «веком галлицизмов». По мнению Бестужева, «теперь только начинает язык наш отрясать с себя пыль древности и гремушки чуждых ему наречий». Развитию собственно русской словесности способствовали, согласно Бестужеву, Ломоносов, собиравший «в прахе старины материалы для русского слова», Д. И. Фонвизин, сумевший в комедиях «Бригадир» и «Недоросль» «в высочайшей степени... схватить черты народности», Карамзин, давший книжному русскому языку «народное лицо», И. А. Крылов, в каждом стихе которого «виден русский древний ум», и «поэтический триумvirат» — В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков и А. С. Пушкин, — постигший «тайну величественного, гармонического языка русского»¹³.

Впервые отчетливо заявили о необходимости отражения народности в литературе О. М. Сомов (в статье «О романтической поэзии», 1823) и П. А. Вяземский (в статье «Разговор между издателем и классиком...», 1824). Принцип народности был выдвинут русской литературной критикой вслед за европейскими романтиками, при этом понятие «народности» литературы не имело однозначного истолкования. Однако этот признак литературы надолго сделался одним из главных критериев оценки творчества того или иного писателя.

В понимании литераторов первой половины XIX в. народность литературы — это проявление в литературе различных сторон национальной самобытности. Для В. К. Кюхельбекера народность литературы — это отражение в литературе прежде всего языковой самобытности, и, будучи противником реформы

---

¹³ Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России. — См. в наст. антологии. С. 53.

Карамзина, лицейский друг Пушкина находил печать народности лишь в немногих строках «Руслана и Людмилы», в «Светлане» и «Послании Воейкову» Жуковского и в некоторых стихотворениях П. А. Катенина¹⁴.

Один из черновых набросков Пушкина 1820-х гг. также посвящен проблеме народности литературы. В отличие от Кюхельбекера, Пушкин не связывал народность с употреблением «русских выражений». Согласно мысли Пушкина, у каждого народа есть «особенная физиономия» — «образ мыслей и чувствований», «тьма обычаев, поверий и привычек», в отражении этих особенностей и состоит народность литературы¹⁵. Таким образом, «народность» в понимании Пушкина близка современному понятию «ментальность», и именно отражение особенностей национальной, а не европейской ментальности было для Пушкина-критика одним из достоинств литературного произведения. «Истинно народным поэтом» Пушкин называет И. А. Крылова, выразившего в своих баснях «отличительную черту нравов», «дух» русского народа — «веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться»¹⁶.

«Народность» стала одним из критериев оценки произведений и самого Пушкина. По мнению многих критиков, включая И. В. Киреевского, а позже В. Г. Белинского и Н. В. Гоголя, именно творчеству Пушкина была присуща народность. Однако это мнение не было единодушным. Так, Н. И. Надеждин в обзоре 1832 г. отметил, что у Пушкина были только «притязания на имя русского народного поэта», однако «его народность ограничивалась тесным кругом наших гостиных, где русская богатая природа вылощена подражательностью до совершенного безличия и бездушия»¹⁷. Народность литературы для Надеждина — это отражение в ней русского национального характера: «Под народностью я разумею совокупность всех свойств, наружных и внутренних, физических и духовных, умственных и нравственных, из которых слагается физиономия русского человека, отличающая его от всех прочих людей — европейцев столько ж, как и азиатцев»¹⁸. Так понимае-

¹⁴ Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. — См. в наст. антологии. С. 70.

¹⁵ Пушкин А. С. О народности в литературе. — См. в наст. антологии. С. 63.

¹⁶ Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова. — См. в наст. антологии. С. 59.

¹⁷ Надеждин Н. И. Летописи отечественной литературы. — См. в наст. антологии. С. 96.

¹⁸ Надеждин Н. И. Европеизм и народность, в отношении к русской словесности // Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 440.

мой народности Надеждин в произведениях Пушкина не увидел. «Сказка о царе Салтане», по мнению Надеждина, имеет «печать механической подделки под старину», Пушкин обнаружил здесь «теснейшее знакомство с наружными формами старинной русской народности, но смысл и дух ее остается все еще тайною, не разгаданною поэтом»¹⁹. С точки зрения Надеждина, вся русская литература отмечена подражательностью, и в этом причина ее «крайней бедности»²⁰.

В критических заметках Пушкина появляется более резкое обозначение «бедности» — Пушкин-критик писал о «ничтожестве» русской литературы²¹. Причины этого положения Пушкин, вслед за Бестужевым, находил в русской истории. Древняя Русь остановила нашествие варваров на Европу, но «внутренняя жизнь порабожденного народа не развивалась». Затем «свободному развитию просвещения» препятствовали «споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством и завоевания с народной самобытностью»²². Таким образом, главным мотивом в рассуждениях Пушкина об исторических причинах «ничтожества русской литературы» оказался мотив отсутствия свободы. Развитию же современной литературы препятствует, по мнению Пушкина, сложившаяся у образованных людей привычка «мыслить на чужом языке». Русский язык не приспособлен для выражения «метафизических» понятий, и в этом виновата «леность» самих писателей, не прикладывающих сознательных усилий для «обработки» русской прозы²³.

В период становления самобытной русской литературы предметом полемики стал и вопрос о том, в чем состоит «польза» художественной литературы. По мнению В. К. Кюхельбекера, лирическая поэзия «тем превосходнее, чем более возвышается над событиями ежедневными, над низким языком черни, не знающей вдохновения». Он выступает против превращения лирических поэтов в проповедников, ремесленников или «гаеров, ломающихся в угоду и для развеселения толпы бессмысленной». Истинное назначение поэзии для В. Кюхельбекера — высокое призвание: «Поэзия возвышает душу, отвлекает ее от мелких хлопот, попечений, суеты

¹⁹ Надеждин Н.И. Летописи отечественной литературы. — См. в наст. антологии. С. 93.

²⁰ Там же. С. 86.

²¹ Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской. — См. в наст. антологии. С. 67.

²² Там же. С. 68.

²³ Пушкин А.С. О причинах, замедливших ход нашей словесности. — См. в наст. антологии. С. 56–58.

ежедневной жизни, переселяет ее в мир красоты, покоя, картин и звуков и тем самым омывает, облагораживает ее — вот польза поэзии...»²⁴.

В статьях и не напечатанных набросках Пушкина выражено иное понимание назначения поэзии. Отрицая, как и Кюхельбекер, нравоучительную, дидактическую роль литературы, Пушкин оставляет место в литературе «шутке, вдохновенной сердечной веселостию», «картинам светской жизни», всему «легкому и веселому», чему посвящены многие произведения мировой и русской литературы²⁵. В статье «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» (1833) он отметил в творчестве поэта такие черты, как отсутствие стремления «угождать господствующему вкусу в публике», независимость, стремление «творить для самого себя»²⁶. Такое отношение к процессу творчества отражено и в поэзии самого Пушкина, в частности в стихотворении «Гнедичу» (1832), где представлен образ истинного поэта, который и служит Мельпомене, «и улыбается забаве площадной, и вольности лубочной сцены», и в сонете «Поэту» (1830), где Пушкин напутствует художника:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...

Таким образом, размышления Пушкина о предназначении поэта и поэзии и о причинах «ничтожества» русской литературы связаны общей идеей — идеей свободы. Свобода, по Пушкину, есть необходимое условие существования поэзии, а с другой стороны, это критерий оценки литературного творчества.

Тот же критерий «свободы» использовался критиками Пушкина для оценки его собственных произведений. Так, в обзоре 1832 г. Надеждин писал, что в последние годы «талант Пушкина ощутительно слабеет в силе, теряет живость и энергию, выдыхается», его стихи «не отзываются уже тою неподдельно-естественною, неистощимо-живою, безбоязненно-самоуверенною свободою, которая в прежних стихотворениях его увлекала за собой непреодолимым очарованием»²⁷. В этой характеристике поэзии Пушкина Надеждин

²⁴ Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. — См. в наст. антологии. С. 75.

²⁵ Пушкин А. С. Опровержение на критики. — См. в наст. антологии. С. 60.

²⁶ Пушкин А. С. Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. — См. в наст. антологии. С. 97.

²⁷ Надеждин Н. И. Летописи отечественной литературы. — См. в наст. антологии. С. 91.

выделил то, что современники Пушкина ценили в его раннем творчестве, — подаренное им ощущение свободы.

Подобные совпадения между тем, что считал ценным в литературном творчестве сам Пушкин, и тем, что отмечали в качестве достоинств его произведений критики, встречались редко. У современников часто возникало непонимание или неполное понимание произведений поэта. Это относится не только к восприятию трагедии «Борис Годунов», но и к другим новаторским произведениям Пушкина, в частности к «Евгению Онегину». Сам Пушкин в письме к А. А. Бестужеву утверждал: «...все-таки он лучшее произведение мое»²⁸. Однако А. А. Бестужев сравнил работу Пушкина над «Евгением Онегиным» со стрельбой из пушки в бабочку. Талант Пушкина, по мнению критика-декабриста, предназначен для высокой поэзии, а «Евгений Онегин» не «возвышает» душу, в сравнении с поэмой Байрона «Дон Жуан» в романе Пушкина недостает глубины, философских замечаний, сатиры²⁹. К. Ф. Рылеев в переписке с Пушкиным несколько раз подчеркнул, что, по его мнению, «Евгений Онегин» ниже «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника»³⁰. Надеждин же, по выходе заключительной главы пушкинского романа, писал, что «Евгений Онегин», возбуждивший поначалу «общий энтузиазм», оказался «блестящей игрушкой», «поэтическим суесловием», тщету и ничтожность которого «сознал наконец» и сам автор³¹.

В противоположность мнению своего бывшего профессора Надеждина, В. Г. Белинский чрезвычайно высоко оценивал роман «Евгений Онегин», называя его «энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением». Белинский считал, что в этом произведении «народности больше, нежели в каком угодно другом народном русском сочинении». Вместе с комедией А. С. Грибоедова «Горе от ума» роман Пушкина «положил прочное основание» неподражательной, «новой русской литературе»³².

Определяя народность литературы в 1844 г., Белинский писал о «тайне национальности», которая заключается прежде всего в особой «манере понимать вещи». Эта манера проявляется в двух

²⁸ Пушкин А. С. Письмо А. А. Бестужеву 24 марта 1825 г. — См. в наст. антологии. С. 62.

²⁹ Бестужев А. А. Письмо А. С. Пушкину 9 марта 1825. — См. в наст. антологии. С. 60.

³⁰ Рылеев К. Ф. Письмо А. С. Пушкину 12 февраля 1825 г.; Письмо А. С. Пушкину 10 марта 1825 г. — См. в наст. антологии. С. 60.

³¹ Надеждин Н. И. Летописи отечественной литературы. — См. в наст. антологии. С. 90.

³² Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. — См. в наст. антологии. С. 160.

типах философии каждого народа — во-первых, в философии «ученой, книжной, торжественной и праздничной», во-вторых, в философии «ежедневной, домашней, обиходной». Для Белинского народность литературы состоит в отражении прежде всего последней, «обиходной» философии. Пушкину удалось выразить в образах романа эту типично русскую «манеру понимать вещи», например, соединив в изображении миропонимания Татьяны «вульгарные, грубые предрассудки со страстью к французским книжкам и с уважением к глубокому творению Мартына Задеки». Такое «дивное соединение», пишет Белинский, «возможно только в русской женщине»³³. В целом к Татьяне Белинский отнесся критически. По его мнению, Татьяну отличает, наряду с многими привлекательными чертами, «рабская боязнь общественного мнения», «трепет за свое доброе имя в большом свете». Наиболее резкая оценка Татьяны, данная Белинским, выражена в формуле «нравственный эмбрион»³⁴. Таким образом, по мнению Белинского, заслуга Пушкина состоит в полном, всеохватном отражении черт истинной народности, с другой стороны, отмечаемые Белинским народные черты, нашедшие выражение в образе няни (в ее рассказе о замужестве) и в образе Татьяны, оцениваются им критически. Будучи одним из убежденных западников, Белинский дает оценку чертам русской народности, отраженным в литературе, с позиций современной европейской культуры. Вот как оценка Белинским Татьяны была прокомментирована в 1856 г. А. В. Дружининым: «Каким волшебством мог Белинский... унизиться до столь грубого непонимания поэзии, какое он выказал в своем отзыве о Татьяне Пушкина. По его воззрению, Пушкин, изображая Татьяну, писал сатиру на холодность, бесчувственность, узкость понятий в современной женщине! <...> Татьяна не должна была противиться влечению сердца — героини дидактических романов Жоржа Санда никогда ему не противятся. Пленительнейший идеал русской непорочной красавицы, создание пленительнейшего из русских поэтов было брошено под ноги героиням сентиментальных романов, хотя и имеющих свое значение, но не стоящих по своей поэтической истине одной главы нашего “Онегина”!»³⁵

Мнение Белинского о назначении литературы менялось в соответствии с изменением общей мировоззренческой позиции критика.

³³ Там же. С. 163.

³⁴ Там же. С. 166.

³⁵ Дружинин А. В. Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения // Дружинин А. В. Литературная критика. М., 1983. С. 165–166.

В 1834 г. в первой своей критической статье Белинский определил главной задачей художественной литературы выражение «духа народа», среди которого эта литература возникла. В этот период деятельности Белинского «народность» литературы — главный критерий оценки произведений поэтов и писателей. В 1834 г. Белинский считал, что «история нашей словесности есть... история неудачных попыток, посредством слепого подражания иностранным литературам, создать свою литературу», отсюда следовал вывод: «у нас нет литературы», поскольку литература, отмеченная печатью народности, неподражательности, представлена творчеством только четырех авторов — Державина, Пушкина, Крылова и Грибоедова³⁶. Однако наступивший четвертый, послепушкинский период развития литературы Белинский считал периодом господства «народности» в литературе, понимая под «народностью» литературы два разных по глубине уровня проникновения в тайну народной жизни. «Верность изображения картин русской жизни» — первый, более доступный уровень, который русской литературой уже достигнут. Второй же уровень — отражение в литературе «образа мыслей и чувствований, свойственных тому или другому народу» — остается пока не решенной задачей³⁷. В 1841 г. ответ Белинского на вопрос о том, существует ли русская литература, становится положительным, поскольку критик считает, что русская литература «развилась до полной художественности и сделалась выражением жизни своего общества, стала русскою»³⁸.

В последний, революционно-демократический период деятельности Белинского его представление о задачах литературы стало иным: «...каждый умный человек вправе требовать, чтоб поэзия поэта или давала ему ответы на вопросы времени, или, по крайней мере, исполнена была скорбью этих тяжелых неразрешимых вопросов»³⁹. В соответствии с этими требованиями творчество Пушкина признается критиком с оговорками: «Пушкин принадлежит к той школе искусства, которой пора уже миновала совершенно в Европе и которая даже у нас не может произвести ни одного великого поэта. Дух анализа, неукротимое стремление исследования, страстное, полное вражды и любви мышление сделались теперь жизнью всякой истинной поэзии»⁴⁰.

³⁶ Белинский В.Г. Литературные мечтания. — См. в наст. антологии. С. 109.

³⁷ Там же. С. 111.

³⁸ Белинский В.Г. Общее значение слова литература. — См. в наст. антологии. С. 141.

³⁹ Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. — См. в наст. антологии. С. 156.

⁴⁰ Там же. С. 155.

С изменением философских и общественно-политических взглядов Белинского менялась и его оценка творчества русских писателей. Наиболее очевидно это проявилось в отношении критика к Гоголю. В 1835 г. Белинский провозгласил Гоголя главой четвертого, современного ему периода развития литературы, считал произведения Гоголя соответствующими всем главным критериям художественности, к которым, по мнению Белинского, относились простота вымысла, совершенная истина жизни, народность и оригинальность⁴¹. Гоголь для Белинского 1840-х гг. — «великий русский поэт», более важный для русского общества, чем Пушкин, поскольку «Гоголь более поэт социальный»⁴², в его произведениях критику дорог пафос отрицания общественного зла. Однако изменившегося Гоголя — автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» — Белинский не принял. В ставшем запрещенным в России письме к Гоголю критик назвал писателя «проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия, панегиристом татарских нравов»⁴³. Эти открывшиеся Белинскому качества Гоголя резко диссонировали со сложившимся к этому времени у критика представлением о роли писателя в обществе. Для русской публики литераторы, писал Белинский в письме Гоголю, имея в виду знаменитую триаду С. С. Уварова, стали «единственными вождями, защитниками и спасителями от мрака самодержавия, православия и народности». Новое же произведение Гоголя представлялось Белинскому не защитой от этого «мрака», а, напротив, его сгущением. Одно из серьезных заблуждений Гоголя, по мнению Белинского, — представление о русском народе как самом религиозном народе в мире: русский народ — «глубоко атеистический народ», в котором «много суеверия, но нет и следа религиозности»⁴⁴.

В ответном, но не отправленном письме Белинскому Гоголь упрекал критика в ослеплении гневом, в отсутствии фундаментального образования, в том, что он сам, находясь в Петербурге и занимаясь журнальной работой, не может претендовать на глубокое знание русского народа. О религиозности русского народа, по мнению Гоголя, «красноречиво говорят тысячи церквей

⁴¹ Белинский В. Г. О русской повести и повестях Гоголя // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1953. С. 259–307.

⁴² Белинский В. Г. . Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или мертвые души // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М., 1955. С. 258.

⁴³ Белинский В. Г. Письмо Гоголю. — См. в наст. антологии. С. 215.

⁴⁴ Там же. С. 216.

и монастырей, покрывающих русскую землю», и построены эти церкви на средства простого народа, «который делится последней копейкой с бедным и Богом». Общественная позиция Белинского-западника, видевшего «спасенье России в европейской цивилизации», по мнению Гоголя, должна быть пересмотрена. Писатель, имея в виду распространение в Европе идей социализма, отмечает в европейской цивилизации «разрушающие», «уничтожающие начала», и сам Белинский, увлеченный идеями Запада, стал, по мнению Гоголя, жертвой этого разрушительного влияния — «дух ненависти» отуманил его ум и ослепил взгляд. Гоголь переосмыслил свой прежний творческий путь и пришел к выводу, что его произведения представляли односторонний взгляд на русскую действительность и русский характер. Смеясь над отрицательными сторонами русской жизни, Гоголь, по его признанию, совершил ошибку, не показав тех черт действительности и русского характера, которые нужно ценить, а не порицать: «Моя ошибка в том, что я мало обнаружил русского человека, я не развернул его, не обнажил до тех великих родников, которые хранятся в его душе»⁴⁵. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь, определяя общественную роль поэта в России, писал о том, что истинный поэт должен показывать своим читателям идеальную красоту той или иной народной черты, он «казначей сокровищ» и вместе с тем, благодаря силе воздействия искусства, «строитель» русского национального характера. В каждом русском образованном человеке — «бестолковая встреча чужеземного со своим», самим русским поэтам еще только предстоит «стать собой и сделаться русскими»⁴⁶.

Рассуждения о бедности и подражательности русской литературы характерны для многих критических статей не только эпохи романтизма, но и более позднего времени. В 1857 г. К. С. Аксаков, один из виднейших славянофилов, констатировал полное истощение сил современной литературы и объяснил это тем, что подражательная литература, начавшаяся с Кантемира, «впала в совершенное бессилие»⁴⁷. Последним проявлением прежней литературы была «натуральная школа», главой которой критики западнического направления объявили Гоголя. Для «натуральной школы», по мнению К. С. Аксакова, было характерно «механическое отношение

⁴⁵ Гоголь Н. В. Письмо Белинскому. — См. в наст. антологии. С. 223.

⁴⁶ Гоголь Н. В. В чем же состоит, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность. — См. в наст. антологии. С. 189.

⁴⁷ Аксаков К. С. Обзорение современной литературы. — См. в наст. антологии. С. 274.

к жизни, со всеми ее мелочами, но без смысла», поэтому «вся эта наружная верность была клеветой на жизнь». Но и последнее поколение писателей, ставших писать о народе, проявляет лишь наружную наблюдательность, их произведения — лишь «копия отвратительной действительности». Одним из начинающих талантливых писателей, не следующих господствующим в литературе антиэстетическим принципам, Аксаков считал Л. Н. Толстого, отличительная особенность рассказов которого — анализ «изгибов души человеческой». Однако, по мнению Аксакова, анализ Толстого часто представляет «мелочи душевного мира» в ложном виде, «часто видит призраки и искажает свою собственную душу»⁴⁸.

В середине XIX в. столкновение мнений о значении литературы в обществе оформилось в противостояние позиции «утилитаристов» и защитников «чистого искусства». К первому лагерю принадлежали прежде всего представители революционно-демократического направления литературной критики во главе с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и Д. И. Писаревым. Считая необходимым для развития России по пути «прогресса» устранение социальной несправедливости, Чернышевский и его последователи видели назначение художественной литературы в служении этой общественно-политической цели. В диссертации Чернышевского были определены три важнейшие задачи художественной литературы — «воспроизведение всего, что интересно для человека в жизни», «объяснение жизни» и «приговор о явлениях ее»⁴⁹. Приложение этих теоретических положений к анализу литературного произведения было продемонстрировано Чернышевским в статье о повести И. С. Тургенева «Ася»⁵⁰. Здесь в полной мере раскрывается тот социологический подход к произведению литературы, которого придерживались Чернышевский и его последователи Добролюбов и Писарев.

Наиболее ценным в русской литературе для критиков революционно-демократического лагеря было обличительное направление, имевшее также в статьях этого времени название «гоголевского» направления. Творчество Пушкина, по сравнению с обличительной литературой, не приносит общественной «пользы» и имеет поэтому лишь историческое значение.

Оценки творчества Пушкина и Гоголя представителями революционно-демократической критики во многом восходят к оценкам

---

⁴⁸ Там же. С. 273.

⁴⁹ Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности. — См. в наст. антологии. С. 301.

⁵⁰ Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous. — См. в наст. антологии. С. 364 и сл.

Белинского, высказанным в последний период его критической деятельности. Так, для Чернышевского Пушкин — по преимуществу поэт-художник, не поэт-мыслитель, как, например, Гете или Шиллер, в произведениях Пушкина нет «глубокого воззрения на жизнь»⁵¹. Гоголь, каким он был до создания второго тома «Мертвых душ», для Чернышевского — «величайший из русских писателей», поскольку именно ему принадлежит «заслуга прочного введения в русскую изящную литературу сатирического — или, как справедливее будет назвать его, критического направления», а только это направление, по мнению Чернышевского, и дало русской литературе содержание. Гоголь «первый дал русской литературе решительное стремление к содержанию», ему же «обязана наша литература и самостоятельностью». До него во всех произведениях русской литературы, включая произведения Пушкина, была очевидна «зависимость от того или другого из европейских поэтов»⁵².

Противники «сатирического направления», защитники «чистого искусства» А. В. Дружинин, П. В. Анненков, В. П. Боткин и их последователи выступали за свободу творчества, считали, что искусство имеет цель в себе самом, связано с вечными ценностями и идеалами и необходимо человеку как особая сфера духовной, а не общественно-политической или дидактической деятельности. В творчестве Пушкина Дружинин отмечал, предвосхищая Достоевского, «многогранность душевной восприимчивости», которая «ставит Александра Сергеича выше всех наших поэтов». Полемизируя с Чернышевским, принижавшим значение творчества Пушкина в сравнении с другими европейскими поэтами, Дружинин подчеркивал, что лишь преждевременная смерть не позволила Пушкину сделаться поэтом всемирного значения, наряду с Данте, Шекспиром и Мильтоном⁵³. Оценка критикой противоположного лагеря творчества Гоголя также представлялась Дружинину неверной, поскольку Гоголь был «человеком любящим, поэтом всесторонним», а Чернышевский и его последователи, ссылаясь на мнение Белинского и следуя своему упрощенно-социологическому подходу к литературе, провозгласили Гоголя «поэтом отрицания»⁵⁴.

⁵¹ Чернышевский Н. Г. Сочинения Пушкина. — См. в наст. антологии. С. 310.

⁵² Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. — См. в наст. антологии. С. 285.

⁵³ Дружинин А. В. А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений. — См. в наст. антологии. С. 337.

⁵⁴ Дружинин А. В. Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения // Дружинин А. В. Литературная критика. М., 1983. С. 168.

Н. А. Добролюбов явился создателем так называемой «реальной критики», которая «относится к произведению художника точно так же, как к явлениям действительной жизни». «Реальная критика», писал Добролюбов, «разбирает, возможно ли и действительно ли такое лицо; нашедши же, что оно верно действительности, она переходит к своим собственным соображениям о причинах, породивших его, и т. д.»⁵⁵. Анализ художественного произведения у Добролюбова превращался в осмысление отраженных в этом произведении социальных проблем. Выводы критика о художественной идее анализируемых произведений в большей мере соответствовали его собственным социологическим воззрениям, чем природе разбираемого художественного текста. Оценки Добролюбовым произведений современной литературы вызывали возражения у сторонников эстетического подхода к литературе. Так, А. А. Григорьев выступал против выдвинутого Добролюбовым понимания Островского как «карателя и обличителя» «темного царства»: «теоретик» Добролюбов идет «от вопросов общественных и юридических», подгоняет художественное произведение под определенную «мерку» и поэтому «урезывает в писателе его самые новые, самые существенные свойства», «пропускает или не хочет видеть его положительные, поэтические стороны»⁵⁶.

«Реальная критика» обращалась не только к современной литературе, но и к произведениям ушедшей эпохи и рассматривала их с позиций соответствия современным общественным задачам. Если при этом значение классических произведений европейской литературы не ставилось под сомнение, то русская классика вызывала отрицательные отзывы. Самый последовательный представитель «реальной критики», Д. И. Писарев обнаружил в работах Белинского противопоставление «маленького Пушкина» «глубокому сердцеведцу» Шекспиру, «смелому и гордому титану» Байрону, «царю и властелину внутреннего мира» Гете и «трибуну человечества» Шиллеру. По сравнению с этими великими поэтами Пушкин — «художник и больше ничего», поэтому для Писарева в произведениях Пушкина раскрывается «лишь его внутренняя пустота», «духовная нищета» и «умственное бессилие»⁵⁷. В статье о лирике Пушкина Писарев приводит круг тем, которым, по его мнению, должна быть посвящена полезная обществу поэзия. Поэт может писать «о правах и обязан-

⁵⁵ Добролюбов Н. А. Темное царство // Добролюбов Н. А. Русские классики: Избранные литературно-критические статьи. М., 1970. С. 82.

⁵⁶ Григорьев А. А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Григорьев А. Г. Апология почвенничества. М., 2008. С. 398.

⁵⁷ Писарев Д. И. Пушкин и Белинский. — См. в наст. антологии. С. 468.

ностях человека, о стремлении к светлому будущему, о недостатках современной действительности, о борьбе человеческого разума с вековыми заблуждениями, о сознательной любви к отечеству и к человечеству, о значении того или другого исторического переворота»⁵⁸. Пушкинская же поэзия не связана с этими важными общественными темами. Поэт, изображенный в стихотворении Пушкина «Поэт и толпа» (в первой публикации — «Чернь», 1828), отказывающийся «исправлять сердца» и давать «толпе» «уроки», по мнению Писарева, бездельник, который бессовестно пользуется трудом «червей земли» и их же клеймит за непонимание высокой поэзии. Писарев яростно вступает в спор с героем стихотворения Пушкина, осыпает его упреками и оскорблениями и доказывает полную несостоятельность его ответов «толпе». Диалог героя Пушкина и Писарева превращается в столкновение позиций литераторов 1860-х гг. — защитников «чистого искусства» и утилитаристов. При этом Писарев вполне отождествлял героя стихотворения (Поэта) и самого Пушкина и предлагал на будущем памятнике Пушкину «выгравировать золотыми буквами» слова Поэта, обращенные к черни:

Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно с вас, рабов безумных!

В этих оценках Писарева проявились не только такие безусловно негативные черты его критики, как антиисторизм и антиэстетизм, граничащий с невежеством, но и, по определению В. В. Зеньковского, «искание нового искусства, свободного от тлетворного дыхания несправедливого социального строя»⁵⁹.

В 1860-е гг. был подвергнут пересмотру выдвинутый Белинским и другими критиками 1830–1840-х гг. тезис о народности творчества Пушкина. Для революционно-демократической критики стремление к поиску национальной самобытности не было значимым, поэтому вопрос о народности в литературе если и рассматривался, то лишь в социально-сословном аспекте. Чернышевский вообще отказался рассматривать проблему народности литературы как абсолютно надуманную. Рассуждения о том, что Пушкин ввел в русскую литературу народность, есть, по мнению Чернышевского, «фразы, лишённые существенного смысла, фразы, представляющие набор слов и более

⁵⁸ Там же. С. 475.

⁵⁹ Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 147.

ничего»⁶⁰. По мнению Добролюбова, Пушкину удалось овладеть лишь «формой народности», но содержание ее «для Пушкина было недоступно». Чтобы стать народным поэтом, нужно, по мнению Добролюбова, «проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать вровень с ним, отбросить все предрассудки сословий, книжного учения и пр., прочувствовать все тем простым чувством, каким обладает народ». Именно этой способности недоставало Пушкину, с «его генеалогическими предрассудками, его эпикурейскими наклонностями». Однако и Гоголь, по мнению Добролюбова, «не постиг вполне, в чем тайна русской народности»⁶¹.

Одним из основных оппонентов эстетических взглядов Писарева, Добролюбова и Чернышевского был А. А. Григорьев. В статье «Нигилизм в искусстве» Григорьев рассуждает об отношении нигилистической идеологии («формулы») к искусству, опираясь на изображение нигилиста в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» и на высказывания о литературе Д. И. Писарева. Григорьев приходит к выводу о том, что «формула нигилизма неприложима к искусству». «Нигилизм в искусстве значит просто чистое, голое отрицание искусства и его явлений как вещей абсолютно ненужных жизни и не долженствующих существовать»⁶². Появление нигилистического отношения к искусству, по мнению Григорьева, — логическое продолжение утилитарного подхода, с которым соединены вера в прогресс отвлеченного человечества, уничтожение народностей, философии и истории. Популярность этой «теории» Григорьев связывал с отсутствием подлинной образованности в русском обществе, с «распространением невежества и безграмотности в российской словесности»⁶³.

А. А. Григорьев создал теорию «органической критики», которую он противопоставил и теории чистого искусства, и теории утилитаризма. Согласно представлениям Григорьева, искусство выражает «вечную сущность» души, «существует само по себе и само для себя, как все органическое, но душу и жизнь, а не пустую игру имеет своим органическим содержанием»⁶⁴. Истинное искусство, по мнению Григорьева, всегда народно, демократично, поскольку «воплощает в образы, в иде-

⁶⁰ Чернышевский Н. Г. Сочинения Пушкина. — См. в наст. антологии. С. 317.

⁶¹ Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы. — См. в наст. антологии. С. 394.

⁶² Григорьев А. В. Нигилизм в искусстве. — См. в наст. антологии. С. 461.

⁶³ Григорьев А. А. О постепенном, но быстром и повсеместном распространении невежества и безграмотности в Российской словесности. — См. в наст. антологии. С. 442 и сл.

⁶⁴ Григорьев А. А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Григорьев А. А. Апология почвенничества. М., 2008. С. 387.

алы сознание массы. Поэты суть голоса масс, народностей, местностей, глашатаи великих истин и великих тайн жизни»⁶⁵.

Произведение искусства тем более ценно, чем более оно органично жизни, действительности, а поскольку искусство для Григорьева — это голос масс, истинное искусство является народным, познающим и выражающим «народную физиономию». По мнению Григорьева, представители русской исторической науки XIX в. (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, М. Т. Каченовский, Н. А. Полевой и др.) особенности русской ментальности понять и выразить не смогли, «художество только, силами ему данными, в наше время начинает, преимущественно в деятельности Островского, выводить перед нами образы, на которых лежит яркое клеймо нашей народной особенности в том виде, как она уцелела»⁶⁶.

Полагая, что «истинная существенная сила искусства» определяется «органической связью с народностью»⁶⁷, Григорьев отрицательно оценивал как творчество писателей, не стремившихся постичь русскую народную самобытность и даже клеветавших, по мнению критика, на русский народ (М. Н. Загоскина, Н. В. Кукольника, Н. А. Полевого), так и деятельность литературных критиков, ценивших в искусстве прежде всего «общечеловеческое» (таким для Григорьева был «враг и гонитель народности как славянской сущности»⁶⁸ В. Г. Белинский).

По сравнению с другими писателями, отразившими те или иные черты «русской физиономии», на недостижимой высоте находится, согласно концепции Григорьева, А. С. Пушкин — «единственный всесторонний представитель нашей народной физиономии»⁶⁹. Пушкину были свойственны «непосредственное чутье народной жизни» и «непосредственная любовь к народной жизни», поэтому в его образах национальная ментальность выразилась наиболее полно и точно. Так, по мнению Григорьева, Пушкин выразил в своем творчестве одновременно два основных начала русской жизни — примирение с действительностью (в образе Белкина) и гордый и страстный протест против действительности (в образе Алеко), показал два «органических» типа русского

⁶⁵ Там же. С. 396.

⁶⁶ Григорьев А. А. Народность и литература // Григорьев А. А. Апология почвенничества. М., 2008. С. 474.

⁶⁷ Григорьев А. А. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2: Статьи. Письма. С. 304.

⁶⁸ Григорьев А. А. Белинский и отрицательный взгляд в литературе // Григорьев А. А. Апология почвенничества. М., 2008. С. 555.

⁶⁹ Григорьев А. А. Западничество в русской литературе. Причины происхождения его и силы (1836–1851) // Григорьев А. А. Апология почвенничества. М., 2008. С. 481.

характера — «тип смиренного человека» и «хищный тип». По мнению критика, оба воплощения русского характера у Пушкина одинаково ценны, поскольку они органичны и поскольку в них проявляется «русскость» как таковая. Органичная русскость была для Григорьева абсолютной ценностью, поэтому так высоко им были оценены воплотившие черты русского характера и подлинные черты русской жизни драмы Островского.

Н. Н. Страхов, заметно упрощая концепцию А. А. Григорьева, использовал два выделенных последним типа русского характера для анализа романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». Тип «смирный» — «отражение одного из любимейших идеалов нашего народного духа» — не только изображен Толстым «с глубокою симпатиею», но и одерживает победу над типом «хищным», «рассказ “Войны и мира” изображает столкновение этих двух столь различных типов и победу типа простого над типом блестящим»⁷⁰. К этим различным типам Страхов относит образы Кутузова — и Наполеона, княжны Марьи, Ильи Ростова — и Элен и Анатоля Курагиных. Толстой, по мнению Страхова, показал в романе «чисто русский героизм», в основе которого «простота, добро и правда», а «*простота, добро и правда* составляют высший идеал русского народа»⁷¹. В «Войне и мире» «в первый раз мы увидели несравненную прелесть чисто русского идеала», этот роман «принадлежит к самым великим, самым лучшим созданиям поэзии» и свидетельствует не только о подлинной самобытности, но и о зрелости русской литературы⁷².

Размышления Ф. М. Достоевского о русской литературе тесно связаны с его представлениями о своеобразии русской ментальности. Во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» Достоевский указывает некоторые особенности русской жизни, которые могли бы помочь Европе понять Россию и русского человека. Согласно представлениям Достоевского, русские не похожи на европейцев прежде всего тем, что в России нет сословных различий и сословной вражды⁷³. В доказательство этого положения Достоевский позже, в «Дневнике писателя» за 1876 г., приведет несколько известных ему примеров бескорыстной помощи крепостных крестьян и других представителей «простолюдов» своим господам и помещикам, попавшим в беду. Проявленные в этих

⁷⁰ Страхов Н. Н. Война и мир. Сочинение графа Л. Н. Толстого. — См. в наст. антологии. С. 672.

⁷¹ Там же. — См. в наст. антологии. С. 680.

⁷² Там же. — См. в наст. антологии. С. 686.

⁷³ Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе. Введение. — См. в наст. антологии. С. 498 и сл.

случаях «милосердие» и «широкость взгляда народного» подтверждают тезис Достоевского об отсутствии в русском обществе непримиримой вражды сословий. Другая особая черта русского характера — отсутствие у русских людей свойственной европейцам непримиримости в отношении к иностранцам. «...В русском характере замечается... способность высоко синтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности. В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все вживается». Это качество, по мнению Достоевского, проявилось в русской литературе, и «во всей полноте» — в творчестве Пушкина. «Мы поняли в нем, что русский идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность». Литература, а именно творчество Пушкина, по Достоевскому, — это «живое уяснение... что такое дух русский, куда стремятся все его силы и какой именно идеал русского человека»⁷⁴.

Достоевский выделял и другие особые черты русской народности, проявившиеся как в русской истории (в русском расколе, в непринятии народом реформы Петра), так и в русской литературе. Одна из таких черт — «бессознательная и чрезвычайная стойкость народа в своей идее, сильный и чуткий отпор всему, что ей противоречит, и вековая, благодатная, ничем не смущаемая вера в справедливость и в правду»⁷⁵. С этим стремлением к истине связана, по Достоевскому, характерная для русского народа «способность самоосуждения, которая проявляется на Руси с такой беспощадно-страшной силой». Русский народ «с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя, иногда даже он несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, истине». Эта народная черта, «способность осуждения, самобичевания проявилась в Гоголе, Щедрина и всей этой отрицательной литературе», которая, по мысли Достоевского тоже оказывается явлением народным, «жизненным»⁷⁶.

Достоевский предлагал судить о русском народе прежде всего по тем идеалам, которые он выработал⁷⁷. Именно эти идеалы отразили лучшие произведения русской литературы. «...За литературой нашей, — писал Достоевский, — именно та заслуга, что она, почти вся целиком, в лучших представителях своих... преклонилась перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные». Достоевский указывает на «смиранный, простодушный тип Белкина, созданный

⁷⁴ Там же. См. в наст. антологии. — С. 525.

⁷⁵ Достоевский Ф.М. Книжность и грамотность. — См. в наст. антологии. С. 552.

⁷⁶ Достоевский Ф.М. Два лагеря теоретиков. — См. в наст. антологии. С. 588.

⁷⁷ Достоевский Ф.М. О любви к народу. — См. в наст. антологии. С. 688 и сл.

Пушкиным», на образ Обломова и роман «Дворянское гнездо»: «всё, что в этих типах Гончарова и Тургенева вековечного и прекрасного, — всё это от того, что они в них соприкоснулись с народом»⁷⁸. Ещё одно произведение русской литературы — роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» — Достоевский противопоставляет произведениям, написанным под влиянием европейской социологической мысли, «как факт особого значения». «Анна Каренина», по мысли Достоевского, есть «наше *свое* родное, и именно то самое, что составляет нашу особенность перед европейским миром, что составляет уже наше национальное “новое слово”». Толстой смог «в огромной психологической разработке души человеческой, с страшной глубиной и силою, с небывалым доселе у нас реализмом художественного изображения» показать, что «законы духа человеческого» «неведомы науке», зло таится в самом сердце человека и не обусловлено устройством общества, а потому никакой социалистический переворот не избавит мир от виновности и преступности⁷⁹.

Явившись одним из создателей «почвенничества», Ф. М. Достоевский, противопоставлял свою концепцию — «книжности», «кабинетности», признаки которых он отмечал в рассуждениях Каткова, славянофилов, западников, защитников теории чистого искусства и утилитаристов. В противоположность «теориям» почвенничество — это верность народному взгляду на мир, «народной правде», совпадение с русским народом в представлении об идеале, «примирение цивилизации с народным началом»⁸⁰.

При этом Достоевский подчеркивал, что для него слово «народный» не значит «простонародный», так как образованный класс русского общества — такой же русский народ, как и простонародье.

Согласно представлениям Достоевского, первым из русских писателей, обратившихся к народной правде, был Пушкин: «...величие Пушкина, как руководящего гения, состояло именно в том, что он... нашел твердую дорогу, *нашел великий и вожделенный исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход был — народность, преклонение перед правдой народа русского*». Пушкин «понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто», и принял «народную правду» «в свою душу как свой идеал»⁸¹. «Поклонение перед

⁷⁸ Там же. — См. в наст. антологии. С. 689.

⁷⁹ Достоевский Ф. М. Анна Каренина как факт особого значения. — См. в наст. антологии. С. 715.

⁸⁰ Достоевский Ф. М. Объявление подписке на журнал «Время» на 1861 год. — См. в наст. антологии. С. 522.

⁸¹ Достоевский Ф. М. Пушкин, Лермонтов и Некрасов. — См. в наст. антологии. С. 718.

правдой народа» Достоевский отмечал и в «сильнейших произведениях» Некрасова, поэтому Некрасова Достоевский тоже относил к народным поэтам, однако с оговоркой, что «любовь к народу у Некрасова была лишь *исходом его собственной скорби по себе самом...*»⁸². «Народной правдой» Достоевский называл прежде всего глубокую укорененность в народной жизни христианского идеала, поэтому относил признак «народности» и к своему творчеству: «При полном реализме найти человека в человеке. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я, конечно, народен (ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного)... Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой»⁸³.

В статьях Достоевского есть и рассуждение о «пользе» литературы. Соглашаясь с защитниками «искусства для искусства» в том, что истинное искусство предполагает «свободу вдохновения и творчества», Достоевский прямо указывает и на практическую пользу искусства. Однако это польза не сиюминутная, ее невозможно «измерить», «мы не знаем наверно путей полезности искусства». Предписывание же определенных целей искусству, как этого требуют утилитаристы, способно принести вместо пользы вред. В качестве примера Достоевский приводит антихудожественный рассказ М. Вовчка «Маша», хвалебный разбор которого опубликовал «предводитель утилитаризма» Добролюбов. Именно с точки зрения утилитаристов, пишет Достоевский, в этом случае была бы полезна художественность, тогда как в разбираемом рассказе представлена нелепость, почти невозможная, возбуждающая смех, а не серьезное впечатление, которое, по мнению Добролюбова, должен производить этот рассказ.

Под «художественностью» Достоевский понимал верность истине, «жизненность». Достоевский замечал, что «Илиада», возможно, полезнее злободневных произведений Марко Вовчка, поскольку «и теперь от “Илиады” проходит трепет по душе человека», соприкосновение с ней связывает современного человека «и с историческим прошедшим и с общечеловечностью». «Пользу» (в «утилитарном» смысле) великих произведений искусства Достоевский объясняет так: «...чем более человек способен откликаться на историческое и общечеловеческое, тем шире его природа, тем богаче его жизнь и тем способнее такой человек к прогрессу и развитию». Согласно представлениям Достоевского, «этот всечеловеческий отклик в русском народе даже сильнее, чем во всех других народах, и составляет его высшую и лучшую характерность»⁸⁴.

⁸² Там же. — См. в наст. антологии. С. 723.

⁸³ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 65.

⁸⁴ Там же. — См. в наст. антологии. С. 538.

Наиболее полное выражение всеотзывчивости как характерной черты русского народа Достоевский видел в творчестве Пушкина. Отмечая в Пушкине «способность всемирности, всечеловечности, всеотклика»⁸⁵, Достоевский отвечает критикам 1830–1840-х гг., упрекавшим Пушкина в подражательности: «Подражатель, скажут нам, отсутствие собственной мысли. Но ведь так не подражают. <...> так подражать значит творить самому, не подражать, а продолжать»⁸⁶.

Помимо обвинений в подражательности, Достоевский отвергал и другие ложные оценки творчества Пушкина, высказанные критикой второй половины XIX в. Так, А. В. Дудышкин отрицал народность творчества Пушкина на том основании, что талант Пушкина был «воспитан на чуждой для народа почве», поэт ошибочно считал «Историю» Карамзина отражением взгляда древних летописцев на русскую историю, образы его исторических произведений не соответствуют действительным фигурам русской истории. Дудышкин утверждал, что Пушкин в создании образов трагедии «Борис Годунов» «рабски следовал» за Карамзиным, основным материалом для создания фигуры Пимена послужил для Пушкина образ мыслей самого Карамзина, «иноческая простота» и «трогательное добродушие» самого автора «Истории Государства Российского», а не древнерусские летописи⁸⁷.

Возражая Дудышкину, Достоевский отмечал, что в произведении искусства важна не историческая достоверность, а «поэтическая правда» и подобно тому, как никогда не существовавший Ахиллес — истинный греческий тип, так и созданные Пушкиным образы — «и летописец... и Отрепьев, и Пугачев, и патриарх, и иноки, и Белкин, и Онегин, и Татьяна — все это Русь и русское»⁸⁸. Развернутую характеристику образа Пимена Достоевский позже дал в Речи о Пушкине 1880 г., где подчеркнул, что этот «образ... неоспоримой правды», не «выдумка поэта», он «отыскан Пушкиным в русской земле», его создал «дух народа» как свой идеал, верно «изваянный» Пушкиным⁸⁹.

М. Н. Катков считал, что Пушкина справедливо «назвали первым народным поэтом нашим»⁹⁰, но при этом видел заслугу Пушкина лишь в выработке национального языка, в «признании прав человеческой личности» и в особенности — в признании прав женщины. При этом

⁸⁵ Достоевский Ф. М. «Свисток» и «Русский вестник». — См. в наст. антологии. С. 569.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Дудышкин С. С. Пушкин — народный поэт. — См. в наст. антологии. С. 427.

⁸⁸ Достоевский Ф. М. Книжность и грамотность. — См. в наст. антологии. С. 549.

⁸⁹ Достоевский Ф. М. Пушкин. — См. в наст. антологии. С. 752.

⁹⁰ Катков М. Н. Пушкин. — См. в наст. антологии. С. 344.

редактор «Русского вестника» отмечал, что у Пушкина есть много «стихотворений, лишенных художественного достоинства», «Повести Белкина» «вялы и бесцветны», не отличаются «даже и внешнею занимательностью», а другие драматические и повествовательные произведения («Евгений Онегин», «Медный всадник», «Пиковая дама») представляют лишь несколько интересных положений, «великолепный ряд картин», «Капитанская дочка» отличается «сухостью, которою страдают все прозаические опыты Пушкина». Замысел у Пушкина «не развивается», «целое всегда распадается у него на отдельные положения и сцены»⁹¹. Непонимание значения Пушкина соединялось у Каткова с отрицанием исторического значения русского народа⁹². Возражая Каткову в 1861 г., Достоевский подчеркивал те уникальные стороны таланта Пушкина, которые позже станут центральной идеей Речи о Пушкине: «...неужели явление Пушкина выработало нам один только язык? Неужели ж “Русский вестник” не видит в таланте Пушкина могущественного олицетворения русского духа и русского смысла? <...> В какой литературе, начиная с создания мира, найдете вы такую особенность всепонимания, такое свидетельство о всечеловечности и, главное, в такой высочайшей художественной форме? Это-то и есть, может быть, главнейшая особенность *русской мысли...*»⁹³

В Речи о Пушкине эти идеи Достоевского получили свое окончательное выражение и были дополнены мыслью о пророческом значении творчества Пушкина. Мысль о всемирной отзывчивости Пушкина была усилена до утверждения о том, что нигде в мире не было поэта, равного Пушкину: «Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин». Во «всемирной отзывчивости» Пушкина выразилась народность Пушкина, так как русская народность именно и стремится к всемирности и всечеловечности, «ко всеобщему общечеловеческому воссоединению». Пушкин пророчески отгадал предназначение русского народа — «изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову Евангельскому закону!»⁹⁴

⁹¹ Там же. — См. в наст. антологии. С. 348.

⁹² Катков М.Н. Несколько слов вместо современной летописи // Русский вестник. 1861. № 1.

⁹³ Достоевский Ф.М. «Свисток» и «Русский вестник». — См. в наст. антологии. С. 570.

⁹⁴ Достоевский Ф.М. Пушкин. — См. в наст. антологии. С. 765.

В речи Достоевского глубоко раскрыто значение образа Татьяны, которую, в полемике с Белинским, назвавшим ее «нравственным эмбрионом», Достоевский считал истинной героиней романа «Евгений Онегин». Татьяна и Онегин — это две противоположности. «У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром», у Татьяны же есть опора, «нечто незыблемое и неразрушимое» — «соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею». Пушкин в «Онегине» явился «великим народным писателем», так как «отметил самую глубь нашей сути» — поставил рядом русского скитальца, прообраз современных «скитальцев», которые теперь «ударяются в социализм», и «глубокую и твердую душу» Татьяны, в поступках которой раскрывается народная правда — «счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа»⁹⁵. Очевидно, что Достоевскому намного ближе образ стоящей на родной «почве» Татьяны, чем оторванный от «почвы» Онегин, который в описании Достоевского сближается с его характеристикой различного рода «теоретиков». Советское литературоведение в речи Достоевского было вынуждено подчеркивать значение типа «скитальца», которого Достоевский якобы считал «наиболее характерным национальным типом русской жизни», этот «скиталец» мечтает об установлении «мировой гармонии» — о «счастливой жизни» «для всего мирового человечества», основанной на идеях социализма⁹⁶. В действительности Достоевский мечтал об иной «мировой гармонии» — гармонии, основанной на идеале христианского братства, он призывал «гордого человека» к смирению, прежде всего к смирению перед народной правдой, указывал на склонность «скитальца» к мести за свои обиды, отмечал, что «не только для мировой гармонии, но и для цыган не пригодился несчастный мечтатель», при первом же столкновении с реальностью обогривший «свои руки кровью». Именно эту склонность к преступлениям подчеркивал Достоевский в типе пушкинского «скитальца» — будущего социалиста.

Однако, очевидно, некоторые основания смещать акценты в интерпретации Речи Достоевского о Пушкине у советских литературоведов были. Уже в 1880 г. среди откликов на речь Достоевского появилась статья К. Н. Леонтьева «О всемирной любви», где было отмечено сходство идеи Достоевского о будущей «мировой гармонии» отнюдь не с христианским учением, предрекающим в конце истории пришествие Антихриста и всемирную катастрофу, а с учением со-

⁹⁵ Там же. — См. в наст. антологии. С. 759.

⁹⁶ Фридендер Г. М. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 463.

циалистов, поэтому, утверждал он, слова Достоевского о всемирном братстве «не есть православное пророчество»⁹⁷. В защиту Достоевского от нападок К. Н. Леонтьева выступили Вл. С. Соловьев и Н. С. Лесков. Так, Лесков указал на различие временной перспективы у пророчества Апокалипсиса, которое относится к «концу света», и у мечты Достоевского «о влиянии славян на улучшение международных отношений» «в ближайшие столетия». Оба предсказания могут быть справедливы, так как «вселенная когда-нибудь разрушится... но пока мы живем и мир стоит, мы можем и должны всеми зависящими от нас средствами увеличивать сумму добра в себе и кругом себя». Поэтому «любвеобильные мечты Достоевского... все-таки имеют более практического смысла и плодотворного значения, чем зубовный скрежет г. Леонтьева»⁹⁸. Вл. Соловьев вынужден был напомнить К. Н. Леонтьеву, что именно в романах Достоевского вера в «отвлеченный разум» и в «безбожное и бесноватое человечество» «яснее, чем где-либо, отражается во всей своей мерзости». Выступая перед публикой на Пушкинских торжествах, Достоевский обращался к людям, «забывшим катехизис», поэтому он говорил о «всеобщей гармонии», но имел в виду окончательное торжество Церкви не на теперешней земле, а на той новой земле, где, согласно Откровению, «правда живет»⁹⁹.

В статьях о Достоевском Вл. Соловьев выразил и новое понимание «пользы» литературы. Современное искусство, согласно Вл. Соловьеву, не может довольствоваться красотой формы, искусство стремится быть «реальной силой, просветляющей и перерождающей весь человеческий мир»¹⁰⁰. Эту задачу способно выполнить будущее религиозное искусство, и Достоевский, по мысли Соловьева, стал предтечей этого нового искусства. Тот общественный идеал, к которому пришел Достоевский, правильнее называть не словом «народ», а словом «Церковь». Одну из центральных идей Достоевского-писателя и Достоевского-публициста о необходимости преклониться перед «народной правдой» Соловьев интерпретировал так: действительно, Достоевский призывал преклониться «перед народной верой, но не потому, что она народная, а потому, что она истинная»¹⁰¹,

⁹⁷ Леонтьев К. Н. О всемирной любви. — См. в наст. антологии. С. 829.

⁹⁸ Лесков Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) // Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л., 1984. С. 116.

⁹⁹ Соловьев В. С. Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве. — См. в наст. антологии. С. 874.

¹⁰⁰ Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского. — См. в наст. антологии. С. 848.

¹⁰¹ Там же. — См. в наст. антологии. С. 855.

то есть церковная, православная. Церковь, а не народность — «вот то последнее слово, до которого дошел Достоевский и которое озарило всю его деятельность пророческим светом»¹⁰².

Против оценки Достоевского Вл. Соловьевым выступил в 1882 г. крупнейший идеолог народничества Н. К. Михайловский. Статьи Соловьева о «роли Достоевского как духовного вождя русского народа и пророка» Михайловский назвал «вздором». Для него «Достоевский просто крупный и оригинальный писатель», которого отличало особое качество — «жестокость таланта». Михайловский писал, что «жестокость и мучительство всегда занимали Достоевского, и именно со стороны их привлекательности», «никто в русской литературе не анализировал ощущений волка, пожирающего овцу, с такою тщательностью, глубиной, с такою, можно сказать, любовью, как Достоевский»¹⁰³. Выводы Михайловского основаны во многом на отождествлении позиции героя и самого автора произведения. Так, например, Михайловский пишет: «“Человек — деспот от природы и любит быть мучителем”, — говорит Достоевский устами “Игрока”. “Человек до страсти любит страдание”, — говорит тот же Достоевский устами подпольного человека. Мучить или мучиться или и мучить и мучиться вместе — вот, значит, не только судьба человека, а и глубокое требование его природы». Михайловский определил и те качества, которые «способствовали или сопутствовали» развитию «жестокости таланта» Достоевского — «слабость художественного чувства меры» и «отсутствие общественного идеала». Большинство произведений Достоевского, с точки зрения Михайловского, поражает «своею нескладностью, растянутостью, безмерностью», некоторые произведения полны «томительной скуки», повесть «Бедные люди» «трудно читать без некоторой тошноты от чрезмерного обилия всяких “маточек” и “голубчиков моих”», в создании новых образов и сюжетов Достоевский «должен был повторяться»¹⁰⁴. Таким образом, приложение к творчеству Достоевского традиционно использовавшихся в критике XIX в. критериев оценки — с позиций эстетического или социологического подхода — приводит Михайловского к выводу о бесцветности и даже бедности «жестокости таланта» Достоевского.

К совершенно противоположным выводам приходили авторы работ о Достоевском, рассматривавшие его творчество с точки зрения соответствия заповедям Евангелия. Н. Н. Страхов писал, что высшим идеалом Достоевского, как и Л. Н. Толстого, был «идеал Христа»,

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Михайловский Н. К. Жестокий талант. — См. в наст. антологии. С. 787.

¹⁰⁴ Там же. — См. в наст. антологии. С. 814.

который открыло для них «долгое и любовное созерцание народа». «В любви к народу, переходящей в преданность высшему народному идеалу, идеалу Христа, завершается деятельность двух наших лучших художников слова» — такой вывод сделал Н. Н. Страхов в 1881 г.¹⁰⁵

Одним из мыслителей XIX в., наиболее глубоко раскрывшим религиозный смысл творчества Достоевского, был митрополит Антоний (Храповицкий), который считал Достоевского не только выдающимся писателем, но и великим и «бесконечно искренним» проповедником и учителем Церкви. Идея всех произведений Достоевского, по мнению митрополита Антония, «была не патриотизм, не славянофильство, даже не религия, понимаемая как собрание догматов», а «возрождение человека», при этом с особенной художественной силой Достоевский писал о людях, которые «содействуют возрождению ближних». Митрополит Антоний подробно описывает этих «служителей возрождения и любви» в произведениях Достоевского, к которым относятся дети, люди из народа, служители Церкви, женщины и, наконец, сам «возрожденный в своих страданиях». Достоевский в понимании митрополита Антония был прежде всего «смирненным и любящим проповедником Христовой благодати», его мировоззрение было мировоззрением Евангелия. Воздействие его произведений на читателя было совершенно особенным: «Достоевский как бы против воли заставляет читателя полюбить человека, полюбить всякого ближнего, эту христианскую любовью, прозревая во внутреннюю сокровищницу его души». Митрополит Антоний считал Достоевского продолжателем духовного пути Пушкина, гению которого Достоевский поклонился «как народному, как провидцу истинной задачи России, состоящей в том, чтобы через единение общества с народом воплотить христианство в жизнь»¹⁰⁶. Достоевский стремился раскрыть это воплощение «в реальных картинах». Однако, несмотря на то, что публика рукоплескала писателю, влияние творчества Достоевского на массу русского общества оказалось ничтожным. Проповедь христианской любви не привела к «объединению общества в христианстве». В 1888 г. митрополит Антоний писал о всеобщем разъединении и духовном бессилии, о распространившемся повсюду «практическом нигилизме»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ *Страхов Н. Н.* Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском. — См. в наст. антологии. С. 781.

¹⁰⁶ *Архим. Антоний (Храповицкий).* Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского. — См. в наст. антологии. С. 877.

¹⁰⁷ *Архим. Антоний (Храповицкий).* В день памяти Достоевского. — См. в наст. антологии. С. 881.

Таким образом, в практической сфере действительности в конце XIX в. одержали победу «нигилисты», революционные события начала XX в. были хорошо подготовлены пропагандистской работой по распространению идей безбожия, космополитизма и социализма. Поэтому пророчеством о ближайшем будущем оказалась не вдохновенная речь Достоевского о всемирном братстве по евангельскому закону, а ядовитые слова К. Н. Леонтьева о жизни после «насильственного экономического и бытового переворота», когда существование победителей в «экономическом общежитии» будет «тяжелее, болезненнее... жизни в строгих монастырях», людей будет преследовать «постоянный тонкий страх, постоянное неумолимое давление совести, устава и воли начальствующих»¹⁰⁸.

Однако в духовной сфере жизни победу одержала другая сторона, видевшая «пользу» литературы в духовном просветлении и возрождении человека. Поэтому подлинной русской классикой, получившей мировое признание, стали не литературные опыты Чернышевского и ценимых им писателей «натуральной школы», а творчество Пушкина, Толстого и Достоевского — писателей, открывших необходимость преклонения перед народной правдой и показавших в художественно совершенной форме красоту русского народного идеала.

¹⁰⁸ Леонтьев К. Н. О всемирной любви. — См. в наст. антологии. С. 832.